

18+

Екатерина Потапова

Талкины сказки

немножко былъ



Екатерина Потапова

Талкины сказки. Немножко быль

«Издательские решения»

Потапова Е.

Талкины сказки. Немножко быль / Е. Потапова — «Издательские решения»,

История маленькой девочки, которой было очень хорошо рядом с Бабушкой, но которая столько не успела узнать. Вторая книга автора.

Содержание

ТАЛКИНЫ СКАЗКИ	6
Сказка про ведьму	8
Сказка про принцесс	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Талкины сказки Немножко было

Екатерина Потапова

© Екатерина Потапова, 2026

ISBN 978-5-0069-6341-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТАЛКИНЫ СКАЗКИ

Памяти моей Бабули

Папа: «Лучше попасть под электричку, чем обидеть нашу Катю».

Точной даты происходящих событий нет. Пусть это будет лето где-то 1990—1993 годов. В школу Полина ещё не ходила, было ей лет пять, может, шесть, а может, и почти семь.

В конце мая Полина с бабушкой Натальей уезжали в деревню. Уезжали на всё лето. От Москвы добираться было часов шесть. Заранее отправляли телеграмму председателю колхоза «На смерть врагам», чтобы на перроне уже встречала машина и не надо было думать, как ещё тридцать километров от станции добираться до родового гнезда.

Колхоз приобрёл своё название в лихие тридцатые п и, соответствуя своему названию, дышал, боролся, жил. Через пять лет он будет повержен, но пока ещё сопротивлялся.

Старый дом, ещё бабушкиной бабушки, сгорел во время фашистской оккупации зимой 1942 года. После войны срубили новый пятистенок, который и сейчас крепко стоял.

Участок был на самом краю деревни, за ним начиналась большая заимка, которая плавно перетекала в тёмный, густой, местами непролазный лес, куда чужие не ходили. Лес тянулся длинной полосой и был бесконечен: одной стороной упирался в болото, другой — в чёрное торфяное озеро с широким песчаным берегом.

Дом встречал Полину наличниками, на которых было вырезано солнце, закопчённой керосиновой люстрой под потолком, старым шкафом с не менее старыми книгами. По полу были разбросаны войлочные половики, подушки на кроватях были по-деревенски накрыты кружевными накидками. Полина мастерила из них фату и играла в невесту. Над кроватью висел ковёр с замысловатыми узорами, которые вечерами складывались в сказки и убаюкивали Полинку.

Бабушка нанимала деревенских мужиков, и они засаживали весь огород картошкой (только самый дальний уголок почти у леса никогда не трогали: он был обнесён забором и всегда чисто прибран). В саду росли яблони, вишни, кусты смородины — варили варенье, джемы, компоты.

Лес вокруг деревни был богатый. Бабуля по утрам уходила по грибы, приносила огромными корзинами, потом садились с Полиной чистить. Особенно над опятами долго мучились: нужно было «юбочку» под шляпкой вычищать — долго, противно, а так хотелось на речку. Зато зимой вкусно становилось, когда с балкона вносили в квартиру ведро грибов, папа молотком выдалбливал кусок нужного размера, размораживали и ели с душистым подсолнечным маслом, картошкой, чёрным хлебом и луком. Через много лет, когда Полина станет совсем взрослой, ничего вкуснее чёрного хлеба с солью и свежего репчатого лука, порезанного кольцами, так и не найдётся в её жизни.

В конце лета воровали с колхозного поля молоденькие початки кукурузы, размером с мизинец, варили на улице на костре, ели, обжигая пальцы, перебрасывая из ладони в ладонь. Дождаться, пока остынет, и не думали — не то будет.

Родители Полинки за лето доезжали, дай бог, пару раз: далеко, неудобно. Мама и папа привозили с собой дополнительную порцию бесконечной радости. Первый раз выбирались в конце июня: мама бережно везла с собой черешню, которой в деревне было не достать, а Полина её могла заглатывать вместе с косточками. С родителями приезжала суета. Папе сразу хотелось бежать купаться, но надо было тут прибить, тут починить. Мама начинала наводить порядок, стирать бельё, готовить на год вперёд. Потом успокаивались, уходили на озеро и до одури резались в подкидного тёплыми летними вечерами, отбиваясь от назойливых комаров.

Лето текло неспешно — оно никуда не торопилось и щедро одаривало Полину разбитыми коленками, впечатлениями от огромного леса, знаниями, как отличать олени какашки от кабаньих, и запретом собирать грибы в воронках от бомб. Откуда бабушка знала, что это воронки, Полинка не понимала, но слушалась беспрекословно.

Наталья наслаждалась внучкой. Она никогда не ныла без острого повода, сворачивалась уютным комочком подмышкой, слушала сказки, придумывала сама себе игры и смотрела своими синими глазками на мир уверенно: чего ей было сомневаться — её же все любят, всё для неё.

К середине августа дни начинали сбиваться в кучу, начинало казаться, что столько ещё не успели, столько надо сделать, столько собрать, но уже хотелось домой, уже очень скучалось по родителям.

Лето послушно заканчивалось. Заколачивали на зиму дом, оплачивали машину до московской квартиры, загружали всё летнее богатство (банки с соленьями, картошку, варенье) и жили мечтами о следующем июне.

Сказка про ведьму

Себудово скромная деревня, оставила свой след на старинных картах Тверской губернии. На карте 1850 года, составленной А. И. Менде, и на специальной карте Европейской России 1871 года, созданной И. А. Стрельбицким, она была обозначена как Сябудово.

Деревня располагалась на невысоком холме, в 40 верстах от уездного города. Небольшое поселение состояло из 7 дворов. Население насчитывало 55 человек: 29 мужчин и 26 женщин.

К 1886 году деревня немного разрослась, число дворов увеличилось до 12, а население — до 98 человек (50 мужчин и 48 женщин). В 1915 году в Себудово насчитывалось уже 22 двора. С 1929 года Себудово вошло в состав Лотошинского района Московской области.

Ветка жасмина аркой склонилась над жёлтой калиткой. Она забиралась в окна дома, аромат жасмина обволакивал, дурманил. Окна были распахнуты настежь, для сквозняка ещё и входную дверь открыли. Кому они тут нужны в своей деревне?

День был жарким, духота не давала уснуть, мешала.

Полинка вертелась и приставала к бабушке:

— Бабуль, ну расскажи сказку.

«Бабуль» сказок рассказывать не желала, устала за день. Внучка её, неугомонная, вместе с деревенскими ребятишками затеяла игру в прыжки через канавы и пришла домой грязнее любого самого породистого поросёнка. И ладно бы только футболка и шорты — так она умудрилась на кровать во всём этом великолепии запрыгнуть. Тьфу! Пришлось внеплановую стирку устроить, заодно и Полинку научила пользоваться корытом, стиральной доской и хозяйственным мылом.

Думала, накажет трудом, но не вышло. Полинка придумала себе игру: она — бедная, несчастная служанка на фазенде, и её хозяйка заставляет работать. Очень веселилась, брызгалась в корыте и припевала:

— Я рабыня, я рабыня, я рабыня Изаура.

Глядя на мокрую, счастливую внучку, Наталья смеялась и уже не злилась на грязные шорты с футболкой.

А к вечеру началось:

— Ба, ну расскажи сказку.

— Хочешь про ведьму?

— Хочу!

— А спать потом будешь?

— Буду!

— Обещаешь?

1940 год

В одной далёкой деревне жила-была девочка Талка со своей бабушкой Полиной, папой Костей, мамой Аней и маленькой сестричкой Дашей.

Однажды вечером Талка сидела на крыльце и смотрела в одну точку. За забором гомонила голоногая толпа деревенских ребятишек, подбирала с пыльной дороги засохшие коровьи лепёшки, швыряла их в Талку и вопила: «Талка — ведьма, Талка — ведьма!»

Чуть в стороне стояли взрослые; детей они не останавливали в их забаве, перешёптывались друг с другом, ждали, когда из дома выйдет самая бойкая соседка — тётка Серафима, которая пошла к Талкиной бабушке потолковать.

Талкина бабушка — Полина — славилась в деревне тем, что могла вылечить всё: роды принять, вывихнутое плечо вправить. Но никто с ней не дружил — иная она была, боялись больше, чем уважали. Да вот только со всеми своими бедами шли именно к ней.

Талка ковыряла землю пальцем большой ноги и бурчала под нос:

— В чём, в чём я виновата? Ну подумаешь...

Дверь отворилась. Тётка Серафима, босоногая, толстая, как стельная корова, в замызганном фартуке и столь же грязном платке на голове, бочком обошла сидящую Талку, боясь ненароком задеть её, словно та прокажённая или заразная была, и ушла к деревенским бабам.

Бабушка стояла за спиной Талки, молча смотрела, как Серафима подошла к женщинам, что-то сказала, и те, мигом собрав ребятишек и крестьясь, убежали по своим избам.

Полина обняла внучку и завела в избу:

— Пойдём, что уж...

Изба была богатая, с белёной печкой, тюлем на окнах, домоткаными половиками. Посередине стены стоял большой шкаф-витрина, в котором хозяйничали фарфоровые чашки в розовых цветах — и не для гостей, а самим пить чай: когда из большого пудового самовара, а когда из маленького дорожного. Часть дома была отделена печкой; там был кабинет бабушки Поли с большим столом, книжным шкафом и книгами на немецком, польском и латыни.

— Талк, расскажи ты мне, потом я тебе расскажу.

Полина знала, что внучка не обманет. Не умела. Всё сразу на лице написано было, а потому и не врала никогда.

— Бабуль... Да что рассказывать, не медведь это был, оборотень.

— Талка, сначала расскажи. Не перепрыгивай.

А как Талке с начала начать, где оно — начало? Она родилась в 1929 году в этой самой деревне на двадцать домов. Дом стоял последним на улице, был самый большой и нарядный. Из окна дома виднелся лес: только руку протяни — и можно погладить мягкие еловые лапы.

Отец Талки служил лесником, мать подрабатывала портнихой.

В лес с отцом Талка начала ходить ещё в трёхлетнем возрасте. Отец брал её с собой, не слушая протесты матери и бабушки:

— Она живёт посередине леса и воды, должна уметь выйти из леса хоть днём, хоть ночью, хоть с закрытыми глазами. Лес её прокормит, озеро умоет. С ними дружить надо, а не бояться их.

Когда Талке исполнилось пять, у них с отцом игра началась: он ставил её на перекрёсток четырёх тропинок, завязывал ей глаза и начинал крутить в разные стороны, потом отбегал и прятался за деревом, а Талка должна была сама выбрать верную дорогу к дому.

Талка знала, что отец рядом, и поэтому не боялась. Снимала платок с глаз, чуть стояла, подождя, пока голова не прекратит кружиться, и всегда верно выбирала тропинку.

Отец довольно подкручивал усы, усмехался:

— То-то, будет толк из девки.

К Талкиным семи годам стали ходить на охоту вдвоём: отец да Талка. Талка безошибочно угадывала, где будет лиса, где заяц, — уток и за добычу не считали.

Отец учил:

— Не стреляй больше, чем тебе надо. И никогда не трогай медведя, не ищи его. Он хозяин тут. Всеми духами повелевает. Ты его не трогаешь, и он тебя не тронет. Он свой дом защищает: к тебе ж в дом придут, ты же тоже не обрадуешься. То-то, не трогай, запомни...

И Талка запоминала лесные приметы: будь то сломанная сосна или корявый пенёк, короткую тропинку к озеру, крепкие кочки на болоте.

Деревенские ребятишки Талку сторонились — она была странная, непонятная, на каком-то языке чудном иногда начинала разговаривать, но в лес с ней ходить было надёжно, никогда не заблудишься.

И вот сейчас бабушка просила: «С начала...» А где оно — начало?

— Талка, что произошло сегодня? Толком объясни. Серафима сказала, что ты медведя заговорила.

— Бабуль, не медведь то был, оборотень.

— Чур тебя, какой оборотень? Ребята говорят, медведь был, на вас шёл. А ты на него посмотрела, и он встал. Так было?

— Говорю же тебе, не медведь, не разглядели они. Она это была... Ну пусть медведица... Я на неё смотрю, она на меня, ну и услышала я в её глазах: «Не трону, отцу спасибо передай, что лес бережёт, нас не обижает, да скажи, что беда большая идёт, пусть берлогу во дворе роет, что только берлога зимой вас спасёт. А я ещё приду к тебе, в ту берлогу спастись, беда везде будет...»

— Ох, Талка... И что ты ребятам сказала? Всё это?

— Нет, я прошептала «спасибо», она ушла, я поклонилась, повернулась сказать, что всё в порядке, а они как заверещали: «Ведьма, ведьма, Талка медведя заговорила!» — и рассыпались в разные стороны, с воплями в деревню побежали... И чего орать-то?

— Ну а ты?

— А что я...

— Талка, говори, не юли!

— Ну я и плюнула им вслед и сказала, чтобы заблудились вы все тут!

— ТАЛКА! Ну сколько раз говорить, следи, следи за языком! Мне недолго осталось, помру, кто всё уладит...

— Баб, ну они ж и не потерялись, сидели-то на опушке, орал, как оглашённые, аж дядя Ефим в кузне их услышал. Откуда я знаю, чего они не вышли сами? Тут до деревни локоток да ноготок... А что ты с Серафимой сделала?

— Да ничего не делала я. Ты завтра не ходи никуда, соседки переспят ночь, да уладится всё, тревога из них выйдет. Мне pomoжешь с травами, с отцом поговорить надо...

Наталья замолчала, посмотрела на внучку. Поливка сладко спала, чему-то улыбаясь во сне, раскидав руки по кровати, ногу она ловко закинула на бабушку. За окном всё так же была тихая светлая ночь, какой-то холостой соловей выводил свою трель. Наталья потёрлась о вкусную макушку внучки, поцеловала, обнимать не стала — и так жарко, — и тоже уснула.

Сказка про принцесс

Георгиевский крест (до 1913 года — Знак отличия Военного ордена) — знак отличия времён Российской империи для награждения нижних чинов (солдат, унтер-офицеров) за боевые заслуги и храбрость, проявленную против неприятеля.

Георгиевский крест, изготавливавшийся из серебра (для низших степеней) и золота (для офицерских чинов), имел четыре степени, каждая из которых вручалась последовательно, начиная с четвёртой. Получение каждой степени Георгиевского креста было огромной честью и свидетельствовало о неоднократном проявлении героизма.

Во время Второй мировой войны в Варшаве было создано одно из крупнейших еврейских гетто: в октябре 1940 года нацисты приказали всем евреям переселиться в отведённый район, который затем окружили трёхметровой стеной.

С июля 1942 года началась массовая депортация обитателей гетто в лагерь смерти Трешлинка — за два месяца были уничтожены или вывезены около 300 тысяч евреев. В апреле 1943 года оставшиеся узники подняли восстание против нацистов: несмотря на острый дефицит оружия и подавляющее превосходство противника, они сопротивлялись почти месяц, превратив бунт в символ мужества и сопротивления во времена Холокоста.

Полинка ковырялась в земле. Делала секретки. Оборвала флоксы, что росли в палисаднике, а теперь закапывала их под стёкла. Бутылку, которую нашла в кустах на дороге, разбила за сараем, пока бабуля с соседкой болтала. Увидела бы бабушка — отобрала бы, крику бы было: «Порежешься! Ну куда тебя опять понесло?» А так тихонечко разбила, тихонечко ковыряется себе. Все довольны. Бабушка радуется, что ребёнок занят, а ребёнок красотой любит.

— Баб, а что это?

— Чего у тебя там?

— Вот!

В руках у Полинки лежал Георгиевский крест. Как давно Наталья его не видела — с ноября 1941-го. Всё сокрушались с матерью, что затерялся тогда в комод, что забыли дедов крест. Потом и дом сгорел, и комод. А глядишь... Внучка откопала.

— А откуда он тут взялся? Тут клад зарыт?

— Нет, что ты, никаких кладов тут нет. Это твоего прапрадеда крест, моего деда...

Наталья осеклась. Не хотела дальше рассказывать, прошлое ворошить, вспоминать. Больно оно, да и кому надо? Но Полина уже усаживалась на крыльце, глаза её выжидательно блестели:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.